

Григорий ЧУХРАЙ — из поколения, прошедшего войну. Славу ему принес первый же фильм — «Сорок первый», а упорчили ее увенчанные всевозможными наградами «Баллада о солдате» и «Чистое небо». Затем последовали «Жили-были старик со старухой», «Память», «Трясина», «Жизнь прекрасна». Но судьба режиссера кажется благополучной лишь на сторонний взгляд. За право снимать то, что хотелось, Чухрай приходилось биться с чиновничьим самовластием. И даже сейчас, в семьдесят пять, он числит себя в солдатах.

— Григорий Наумович, вы, можно сказать, живой классик. Как чувствуете себя в этой роли?

— Классиком себя никогда не считал. Снимал то, что чувствую, что меня волнует. Для меня фильм — это поступок. Поэтому старался не поступать дурно. Рад, что мои фильмы еще не умерли. Киноматограф — вещь скоропортящаяся, со временем все недостатки сделанного становятся особенно заметны. Я же не из тех режиссеров, которым нравится все, что они сняли: всегда страдаю от того, что что-то в картине могло быть лучше. Мои близкие, друзья всегда удивлялись этому самосуду. А по-моему, только так и можно делать что-то живое.

Для меня художник не тот, кто ловко умеет рассказывать, а человек, способный выразить, что он думает о времени и о людях. Если бы сам не был сейчас болен, наверное, снял бы фильм о нашем времени.

— И какой фильм вы бы сняли?

— Если бы о фильме можно было рассказать словами, я был бы писателем.

многонациональной стране была полностью ликвидирована неграмотность, лапотная Россия превратилась в сильную индустриальную державу, были построены заводы, фабрики, электростанции...

То, что это создавалось дорогой ценой, известно мне так же, как и вам. И все мои фильмы против этого. Но мы верили, что это накладки переходного периода. Точно так же, как сейчас к таковым относят войну в Чечне, заказные убийства, несправедливые обогащения. Рассматривать трудный, кровавый, жестокий, во многом и мне ненавистный период нашей истории только как «черную дыру» могут, мне кажется, только безответственные люди. Лично я считаю, что строить будущее можно, только опираясь на настоящее. Не надо тащить в настоящее грязь и кровь прошлого, но все хорошее нужно как-то сохранить. И, опираясь на него, идти вперед.

— Лучшие ваши фильмы рассказывают о войне. Вы пошли на нее добровольцем?

— В армии я прослужил год еще до войны. Но в воздушно-

гогией! И самый дорогой для меня фильм я так и не сделал.

— И в «Балладе о солдате», и в «Чистом небе» сценарии военных сражений отсутствуют. Не хотелось вспоминать пережитый кошмар?

— Дело в другом. Тогда было модно показывать на экране, как мы героически побеждали. И меня оскорбляли кадры, в которых красиво рвали снаряды, сотни людей шли в бой и на глазах почтеннейшей публики эффектно умирали. Потому что я знал: красивых смертей нет. И фильмы мои были о ценности каждой человеческой жизни, единственности и неповторимости ее.

— Почему вашим режиссерским дебютом стал фильм «Сорок первый»?

— После третьего ранения, очень тяжелого, я лежал в госпитале в Челябинске. Там была библиотека, где прочитал много хороших вещей, в том

— Похожая история произошла и с «Балладой о солдате», за которую вас исключили из партии, и с «Чистым небом», спасенным благодаря личному вмешательству Фурцевой. Как вам удалось выстоять в этих передерягах?

— Передеряги и дальше были: моя «Трясина» пролежала на полке года четыре. Она оскорбила Епишева, который всерьез объяснял мне, что у нас в стране дезертиров не было. Он же отвечал за моральный дух армии и считал, что, если с экрана покажут дезертира, в армии их сразу прибавится. Поэтому лучше показать какого-нибудь ударника производства — и тогда сразу все станут ударниками. Но и некоторые мои товарищи по искусству недалеко от него ушли. Когда на собрании меня исключали из партии, из зала кричали: «Равнение на Канны вас к добру не приведет!» При-

тому что Хрущев уснул на просмотре. Рекомендовалось отдать приз нашему фильму «Знакомьтесь, Балуев!». Я же сказал, что премию дам только Феллини и все иностранные члены жюри меня поддержат. Если же воздержатся представители соцстран, не страшно — они в меньшинстве. К тому же у меня как у председателя жюри — два голоса, так я оба за Феллини и отдам. Меня пугали: «Положишь партийный билет!» Я: «Хорошо, положу. Но в следующий раз не назначайте меня председателем жюри, выбирайте другого, послушного. А сейчас я отвечаю за авторитет нашего фестиваля и страны. И я его не уроню».

— Назову хорошо знакомые вам имена: Изольда Извицкая, Олег Стриженов, Нина Дробышева, Евгений Урбанский, Владимир Ивашов, Жанна Прохоренко, Нонна Мордюкова... Все они сыграли у вас лучшие свои роли. Чтобы так работать с актерами, надо их

«опыт» имелся — был режиссером школьного драматического кружка. И еще один важный толчок: во время войны после первого ранения я лежал в госпитале в Харькове. И когда стал уже выходить на улицу, оказался у книжного магазина, в который угодила первая бомба. По всей улице валялись книги прямо в лужах. Среди них я нашел «Основы режиссуры» Кулешова. И все время возил эту книжку с собой, пока не поступил во ВГИК.

— Слышала, вы однолюб.

С женой как познакомились?

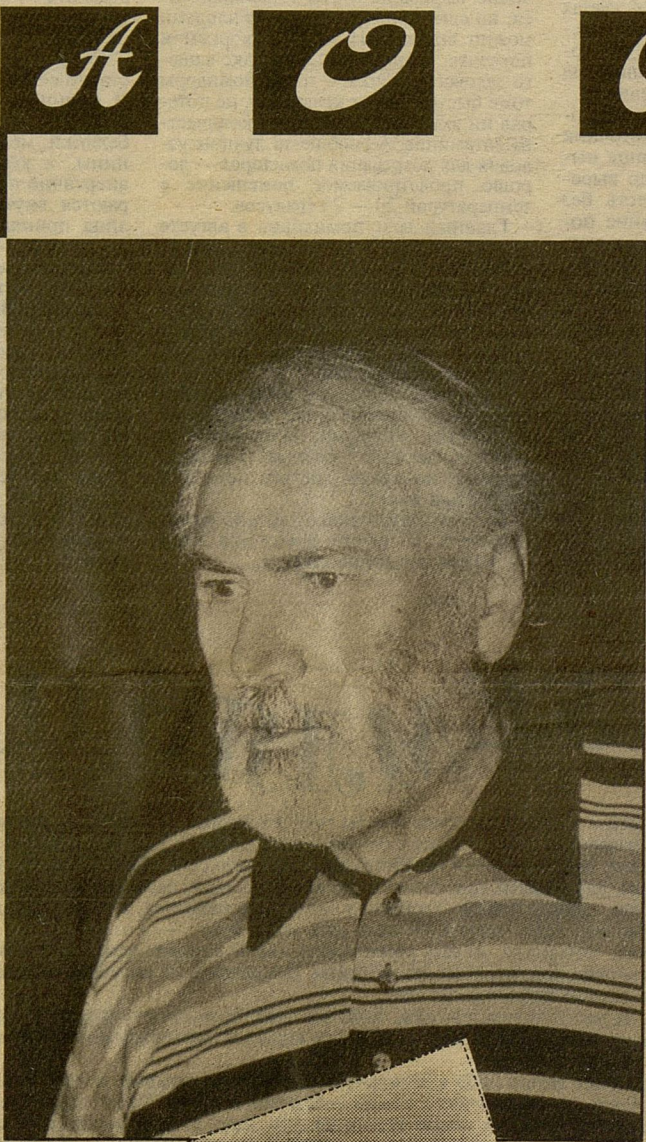
— Наш воздушно-десантный корпус формировался в сорок первом году в Ессентуках. Там Ирину и встретил, влюбился. Она тогда совсем девчонкой была, училась в педагогическом институте в Пятигорске. Гуляли вместе по улицам, потом я уехал на фронт, а она попала в оккупацию. Я все ее вспоминал и, когда в сорок четвертом году за одну операцию в тылу врага получил отпуск на неделю, разыскал Ирину, женился и — снова на фронт. В моем поколении ведь не было так, чтобы сперва жили вместе, а потом спрашивали, как тебя зовут.

— Теперь у вас большая кинематографическая семья?

— Да. Сын Павел — режиссер. Его жена Маша Зверева — сценарист. Дочка Лена окончила киноведческий факультет, вышла замуж за продюсера Игоря Толстунова и занимается «поставкой» актеров. Старшая моя внучка — художник, средняя заканчивает экономический институт, замужем за Антоном

очень любить?

— Я их очень люблю! Когда Володя Ивашов погиб на операционном столе, для меня это было почти такой же катастрофой, как если бы я потерял сына. Смерти Изольды Извицкой, Евгения Урбанского были для меня огромными потерями. Поймите, если я не люблю своих актеров, как их полюбят зрители? В фильме они видят этих людей моими глазами. И я очень рад, что в

Услышав про себя, «зюгановец» испытал бы сильное огорчение.

числе и расказ Лаврентева «Сорок первый». А зная Великую Отечественную войну, я стал, как мне казалось, разумнее понимать Гражданскую. И уже не считал, как было тогда принято, белых разложившимися варварами, у которых нет ничего святого. Понял, что воюют не дураки и умники, не «светлые» и «темные», а убежденные в чем-то своем люди. И в «Сорок первом» меня потрясло, что поручик-то — хороший человек! За это меня и отдали под суд, когда был готов фильм. Мой соавтор по сценарию адресовал руководству «Мосфильма» официальную записку, в которой сообщал, что не может поставить своего честного имени под этой белогвардейской стряпней. И все-таки фильм я снял. И даже получил за него в Каннах спецприз «За исключительные художественные качества и оригинальный сценарий».

чем кричали режиссеры старшего поколения, которых я уважаю. Ну а как выстоял? Я десантник. Война научила меня, что за правду надо биться до последнего. И я так живу. Рассуждаю так: мои товарищи погибли на войне, а я выиграл жизнь по лотерейному билету. И должен жить так, как хотелось бы им.

— На фестивале в Каннах ваша «Баллада о солдате» была представлена одновременно со «Сладкой жизнью». Тогда Гран-при достался Феллини, а вам — приз за режиссуру. Больше с великим итальянцем не соревновались?

— Не пришлось. Но я был председателем жюри Московского международного кинофестиваля, когда Феллини показывал у нас «Восьмью с половиной». И меня тогда тоже мурыжили, объясняли, что я должен не давать ему премии, по-

моих картинах эти артисты одерживали победы.

К подбору артистов отношусь весьма бережно и осторожно. Скажем, прежде чем взять на главную роль в «Трясине» Нонну Мордюкову, сделал не одну пробу. И все не получалось, хотя я сердцем чувствовал, что роль матери ее! В какой-то момент она не выдержала: «Слушай, Гриша, мне это все надоело. В конце концов, я — профессиональная актриса, что ты меня все время пробуй, а никак не утверждаешь?» И все же в конце концов исполнила то, чего я от нее в этой роли добивался.

— Как в вашу собственную жизнь вошло кино?

— Родители мои к кино отношения не имели. Мама была очень активной коммунисткой, хотя ни Маркса, ни Ленина не читала, — просто верила, что можно построить справедливый мир без хозяев и рабов. Была она маленьким научным сотрудником селекционной станции. А отца у меня не было с трех лет. Жили мы на Украине, кочевали по разным местам. Потом мать poslali в Москву немножко подучиться в Академии соцземледелия. А на времена моей юности пришелся невероятный расцвет советского кино. И в Москве я посмотрел «Шорса», «Чапаева», «Депутата Балтики», «Мы из Кронштадта», «Юность Максима», «Детство Горького»...

Всемирные шедевры шли просто косяком! И это не могло на меня не повлиять. Да и

Табачковым. Подрастает и младшая внучка Маруся.

— Режиссерской судьбой сына довольны?

— Да, хотя знаю, что сегодня таким людям, как Павел, нелегко. Он человек моральный, а сейчас многие считают, что мораль — только обуза. Что касается фильмов Павла, то я понимаю один способ общения режиссера с режиссером — не лезть в душу. Когда я руководил экспериментальной творческой студией при «Мосфильме», понимал: какими бы гениальными ни были мои советы, для другого режиссера они — пустой звук, потому что каждый творит по своим правилам. И тем более я не могу вмешиваться в работу сына. У него и так непростое положение: окружающие постоянно требуют, чтобы он был лучше отца.

— Один из ваших фильмов назывался «Жизнь прекрасна». Вы разделяете эту точку зрения?

— Разделяю. Потому что считаю: ничего более прекрасного, чем жизнь — растеньица, цветов, зверей, женщин, мужчин, детей, — на земле нет. Это самая высокая ценность для меня. Поэтому я и снял «Балладу о солдате» и другие мои фильмы. Понимаю, что жизнь бывает и трагична. Но все равно дорожу ее ничем не найти.

Беседу вела Татьяна ИСКАНЦЕВА.

Фото Николая ГНИСЮКА.

ГРИГОРИИ

Но думаю, что картину о времени, в которое мы живем, сделал бы музыкальной и полужантасической.

— Ваш режиссерский взлет пришелся на хрущевскую «оттепель». Чем было для вас то время?

— Это было время огромных надежд. Мы искренне приняли XX съезд и верили, что, победив сталинизм, сумеем улучшить нашу жизнь. На политическом языке это называлось «социализм с человеческим лицом». Но одни пытались улучшить социализм, а другие считали, что его надо зачеркнуть и построить а-ля капитализм. Только тогда стеснялись говорить об этом громко. Сам я виноват в том, что считал: социализм можно улучшить. А поскольку относился к тем людям, которые предпочитали действовать, в шестьдесят пятом году обратился к Косыгину с просьбой рассмотреть на Совете министров наши с Познером предложения.

Наверное, нынешним читателям газет нелегко нас понять. Сегодня, раз ты хочешь улучшить социализм, — значит, зюгановец. Хотя, услышав про себя «зюгановец», я бы испытал сильное огорчение как минимум. Просто тогда считал, что все беды от того, что сама наша система строилась исключительно на энтузиазме масс. Благодаря ему народ, к которому и я принадлежу, совершил чудо. За восемнадцать лет между Гражданской и Великой Отечественной войнами в огромной

пор. И о том, что был идейным коммунистом, не жалею. Сама-то идея — светлая, другое дело — как она воплощалась в жизнь. По этому поводу мог бы процитировать моего друга Наума Коржавина: «Нас все обмануло — и средства, и цели. Но правда — все то, что мы сердцем хотели. Хотя редко на деле оно удается, но в песнях навеки оно остается».

— Что на войне было самым страшным?

— На войне все страшно. И то, что не подготовились к ней, терпели поражения, были вынуждены покидать территории, на которых все было построено руками отцов, нашими руками. И то, что это было время невероятных потерь. То, что еще вчера твой друг, прекрасный, милый и умный парень, ел с тобой из одного котелка, а сегодня лежит мертвым.

Мне повезло. Чудом уцелел под Сталинградом, где в пустой степи, изредка перерезанной оврагами, мы сдерживали танковую лавину немцев. Да и вообще остался жив, хоть и был четырежды ранен — последний раз в конце апреля сорок пятого года. Я очень хотел снять фильм о Сталинграде, но не дал Епишеву, начальнику главполитуправления Красной Армии. Он прочитал сценарий и сказал: «Нам окопной правды не надо, вы должны показать победу». Я объяснил, что получил медаль за оборону Сталинграда, а не за победу. И услышал: «А вы меня не учитесь, не занимаетесь тут дема-

Чухрай Григорий

8/14

Куранты.